

Глеб КАЩЕЕВ

САМАЯ
БОЛЬШАЯ
ЛУНА

Испытание чувствами

по мотивам оригинального сценария

Е. Ваниной и А. Попогребского

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва

Глава 1

Москва, наши дни.

ЖАННА ОКИНУЛА ВЗГЛЯДОМ зал и решила, что пора. Зрители упоенно наблюдали. Когда стоишь на сцене перед двадцатью тысячами, нельзя рассмотреть глаза отдельных людей — можно уловить только общее настроение. Пока она произносила речь, желто-розовый цвет воодушевления постепенно разгорался и теперь наконец пылал ярким пламенем. Ей опять удалось зарядить всех. Все двадцать тысяч. Можно было заканчивать.

«Вселенная откликнется, если ваше желание настолько сильно, что вы искренне верите в его исполнение! Помните, что одной визуализации недостаточно! Конечно, нужно постоянно держать свою цель в голове, но еще обязательно надо верить! Верить всем сердцем, и тогда у вас все получится. Вот я верю, что, когда мы соберемся здесь через три года, я увижу те же лица, но это будут успешные, богатые и счастливые люди, которые придут только для того, чтобы

сказать мне спасибо. Дерзайте, желайте, действуйте смело и не теряйте концентрации!»

Жанна раскинула руки в стороны характерным жестом Тони Старка из фильма. Зал взорвался овациями. Теперь можно было собирать жатву. Она закрыла глаза, погрузилась в желто-розовый и взяла у каждого участника встречи по крупнике — по сотой доле процента от сильнейшего прилива воодушевления, которым она их только что зарядила, — но от такой толпы все равно энергии получилось столько, что закружилась голова.

Главное не перебрать, чтобы легкая эйфория не превратилась в наркотическое опьянение, которое захочется повторять снова и снова. Как и алкоголь, подзарядка эмоциями хороша только в меру.

Жанна с трудом ушла со сцены, стараясь не выдать, что ее пошатывает. Там ее подхватил под руку секретарь и довел до гримерки, где она наконец упала в кресло и расслабилась.

Подобные выступления приходилось устраивать раз-два в месяц, и они здорово выматывали. В двадцать она могла отжигать перед небольшими группами чуть ли не каждый день, но, став вдвое старше, предпочитала выходить к людям все реже, а потому залы надо было выбирать такие, чтобы вместилось как можно больше зрителей. Дело было вовсе не в деньгах, хотя это приятное дополнение. Просто она не могла жить без энергии восторженных взглядов, а собирать ее

по небольшим залам стало опасно. Чем меньше берешь у каждого, тем меньше это заметно. К тому же, по слухам, чертов ЭПРОН был способен фиксировать резкие необычные изменения эмоций, так что теперь приходилось вести себя вдвойне осторожно. Если высасывать, то минимум от каждого. Для этого и требовалась толпа.

Жанна, не обращая внимания на секретаря, положила ноги в туфлях от Джимми Чу на туалетный столик, откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. У нее было законное право хотя бы полчаса наслаждаться покоем, однако ее помощник вежливо покашлял, осторожно давая понять, что сейчас такая роскошь недоступна. Она недовольно застонала, приподняла голову и с укоризной посмотрела на него:

— Что еще? Неужели нельзя было подождать?

— Жанна Аркадьевна, прошу прощения. Запрос от депутата по поводу предвыборной кампании. За время выступления он позвонил четырнадцать раз. Помните, вы ему помогали на прошлых выборах?

— Лузер и читер, — сказала она, поморщившись. — Честно он выиграть не может?

Секретарь терпеливо ждал. Он уже знал, что перед тем, как отдать распоряжение, начальница любит поворчать, порассуждать и почитать мораль.

— Постарайся набить цену, — сощурившись, проговорила она. — Скажи, что у меня

очень жесткий график и я вряд ли найду время заняться его проблемой. Пусть в ответ предложит что-то посущественней, чем в прошлый раз. Намекни ему, чтобы проявил фантазию. Хотя откуда она у этого разжиревшего питекантропа?

Секретарь вежливо улыбнулся и сделал пометку в блокноте.

Он быстро запомнил, что появляться рядом с начальницей с планшетом, ноутбуком или смартфоном не стоит.

— Да... и скажи моему водителю, чтобы подогнал машину к черному ходу. Не хочу сегодня нарываться на журналистов.

Жанна послала молодому человеку импульс, передав часть огромного заряда, который только что получила от зала. Опыт его предшественников научил ее, что деньги сами по себе редко обеспечивают лояльность. Сколько ни предложи, через какое-то время человек начинает воспринимать это как должное, требовать прибавки и искать варианты работы поинтереснее. Зато эмоции могут обеспечить фанатичную преданность и держать слуг на очень прочном и коротком поводке.

Юноша восторженно посмотрел на нее, кивнул и исчез за дверью.

«Хороший парень. Очень удачная находка. Жаль, что человек. В делах семьи его помощь была бы незаменима», — подумала она.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ЛУНА. ИСПЫТАНИЕ ЧУВСТВАМИ

* * *

Служитель крематория догнал священника уже возле самого выхода.

— Отец Димитрий, погодите. Там просят еще одно отпевание. Прямо сейчас.

Священник обернулся и бросил него полный недоумения взгляд.

— Что значит сейчас просят? Следует заказывать заранее. Мое время закончилось, у меня еще дела сегодня.

— Там парня хоронят. Мать совершенно не в себе, а друзья про отпевание не подумали. Молодежь, сами понимаете. Только сейчас спохватились... Очень прошу, войдите в положение...

Отец Димитрий взглянул на работника. Подобное участие и заботу служители проявляли только за очень крупные суммы. Если он сейчас откажется, то отношения с этим парнем испортит надолго. Димитрий вздохнул, молча кивнул и пошел обратно в зал.

Молодой. Это означало много слез и горя. Совсем не то, что со стариками — там даже родные дети иногда смотрят на гроб равнодушно, а уж остальные и вовсе больше озабочены мыслями о распределении наследства, чем переживаниями об усопшем.

По рассказу служителя отцу Димитрию показалось, что прощаться с покойным пришла только матушка да пара-тройка верных друзей,

которые и проспонсировали срочное отпевание, но в зале было неожиданно многолюдно. Его опытный взгляд по всполохам цвета сходу выхватил мать — на ней лица не было. Женщина еле стояла на ногах. Ее поддерживал под руку родственник — скорее всего брат, а не муж. Лицом похож, да и слишком спокоен для отца, потерявшего сына, хотя, конечно, тоже горюет. Димитрий видел и в нем темно-синие всплески. Отца, кстати, в зале не было. Значит, мать-одиночка. Поди, единственный сын. Плохо дело. Гора здесь столько, что вытерпеть бы. Ладно мать, так и друзья, которых собралось больше дюжины — и все, как один, почему-то в похожих темных куртках, — тоже совершенно искренне роняли слезы. Покойник явно был хорошим товарищем. Его любили. В наполнившем зал темно-синем цвете можно было утонуть.

Димитрий, едва войдя, сразу зачерпнул эмоции матери, чуть погасив их яркость. Голова закружилась, и он оперся рукой на подставку для Писания. Если так пойдет дальше, его самого отсюда под руки выносить будут. А не взять — тоже нельзя. Оставить людей наедине с таким горем не позволит сердце.

Его изрядно покачивало, и, чтобы окружающие не заподозрили, что он пьян, Димитрий, держась за подставку, медленно достал Библию и начал ее листать. Головокружение постепенно

отступало, переходя в растекающуюся по венам эйфорию и энергию. Он еще раз внимательно оглядел стоящих у гроба и только тогда заметил за спинами друзей покойного знакомую короткую стрижку на белокурой голове. Димитрий удивленно поднял бровь. Девушка поняла, что ее обнаружили, и начала проталкиваться вперед.

Димитрий не ошибся. Это была Алиса. Даже в крематорий она умудрилась припереться в неуместном белом мотоциклетном костюме. Встретить ее тут, на работе, а не дома, было неожиданностью, но зато теперь картина предельно проявилась. Можно было поспорить, что юноша тоже гонял, как безумный, и в конце концов, разбился на байке. Наверняка попытался догнать эту бесстрашную белобрысую оторву. Отсюда и столько горя. Да и кто именно сунул взятку служителю крематория, тоже долго гадать не приходилось. Тем более что для Алисы их встреча точно сюрпризом не стала.

Она подошла к Димитрию и заговорила шепотом, повернувшись спиной к остальным:

— Это я тебя позвала. Помоги. Ты же видишь, в каком они состоянии.

— Почему так внезапно? Заранее подумать не могла? Вчера бы дома предупредила, я бы подготовился.

— Только сегодня узнала, что Саша был некрещеный, и поэтому никто об отпевании не

подумал. Типа нельзя же. Думали, что все попы откажутся. Но, как ты понимаешь, я тебя не для обряда пригласила.

Димитрий с упреком заглянул в ее большие голубые глаза, тяжело вздохнул и продолжил приготовления. Парень еще и некрещеный. Если это откроется — у него будут большие проблемы. Хотя кто тут пожалуется?

— Забери у них горе. Слышишь? — настойчиво приказала Алиса.

— Уже, — коротко ответил он, даже не взглянув на нее.

Она обернулась на рыдающую мать.

— Не похоже. Еще! К черту ваши с мамой правила! У тебя самоконтроль лучше всех: один раз поймав кайф, уж ты-то на него не подсядешь.

Димитрий решил, что это переходит все границы. Нужно будет обязательно поговорить с Жанной о поведении ее дочери.

— Я взял столько, сколько нужно, — резко и твердо произнес он. — Думаешь, мать простит себя, если на похоронах сына останется равнодушной? Да она после этого будет непрерывно корить себя, мучаться от чувства вины и в результате помрет от онкологии через пару лет. Ты этого хочешь? Ей нужно выплакать горе здесь и сейчас. После меня непосильным для нее оно уже не будет. Так что не сопливой семнадцатилетней девчонке учить меня моей же работе. Иди к остальным, а то на нас уже косятся.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ЛУНА. ИСПЫТАНИЕ ЧУВСТВАМИ

Он зажег ладан в кадиле и начал службу, тщательно приглядываясь к стоящим перед ним людям: у кого еще нужно погасить сильные синие всполохи, чтобы они не выжгли душу и не нанесли физического ущерба. Потому он и заметил высокого русоволосого парня, не сводившего с Алисы глаз. Вернувшись к друзьям, она встала рядом с ним, а юноша якобы ради поддержки положил ей руку на плечо.

Димитрий тяжело вздохнул. Только этого не хватало. Еще один сюрприз для Жанны. Да и этого русоволосого юношу было откровенно жаль.

* * *

Алиса с Алексеем вышли из крематория и медленным шагом пошли к стоянке, где оставили мотоциклы. Фигура семнадцатилетней девушки привлекала к себе внимание, пожалуй, всех проходящих мимо. Люди вокруг были сплошь и рядом одеты в черное или хотя бы темно-серое, так что Алиса в белоснежном кожаном байкерском комбинезоне, расшитом алыми всполохами, буквально казалась белой вороной. Короткие волосы, которые она тоже всегда высветляла до платинового блонда, только усиливали эффект. Алексей был одет чуть более традиционно — в черную кожаную куртку и такие же кожаные штаны, и смотрелась эта парочка довольно

контрастно, особенно если учесть рост: белая макушка едва доставала парню до подмышки.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Алиса с недоумением взглянула на него.

— Ну... за отпевание. Я думал, с попами договориться невозможно, если человек некрещеный. Вовке-то, наверное, все равно... Я во всю эту байду потустороннюю не верю, а вот маме его важно было.

— А, ерунда. Я просто этого священника знаю. Пересекались, — ухмыльнулась она. — А ты, значит, у нас рационал-агностик?

— Что? — настала очередь Алексея удивляться.

— Верить только в то, что видишь и можешь пощупать. А как же вампиры, ведьмы, привидения, оборотни и прочее?

Он скептически фыркнул и ухмыльнулся:

— А ты? Верить во все эти гороскопы, Таро, женскую ведьмовскую энергию, да?

— За кого ты меня принимаешь? — с насмешкой откликнулась она.

— О, смотри. Кажется, у нас проблемы, — Алексей кивнул в сторону стоянки. Около мотоцикла Алисы двое полицейских поджидали его владельца. Алиса каталась на «Кавасаки-Ниндзя», на той самой модели, которая держала мировой рекорд в скорости среди мотоциклов — более четырехсот километров в час. Но создавали его не для обычной езды по дорогам.

Этого черного монстра нельзя было поставить на учет в полиции и получить номера. В фабричной комплектации у него даже не было зеркал заднего вида — просто потому, что на треке они не нужны.

Скорее всего, полицейских привлекло именно отсутствие номеров.

Алиса, не сбавляя шага, достала из кармашка комбинезона шуточное удостоверение, купленное в интернете. Снаружи оно выглядело очень солидно: красная обложка с золотым гербом.

— Проблемы? — спросила она с вызовом, подойдя к двум мужчинам в форме. Алексей оказался за ее спиной и пока молчал, копаясь в кармане в поисках наличных.

— Это ваш мотоцикл? — спросил полицейский помоложе.

— Разве так надо начинать разговор? — холодно отчеканила она, — Кругом! Отойти! Подойти и представиться по всей форме!

Аура, которую она распространяла вокруг себя, конечно, не заставила полицейских буквально выполнить приказ, но те на всякий случай подобрались и предпочли действовать по уставу.

— Лейтенант Прохоров, — махнул корочкой перед ее глазами старший.

— Старший сержант Копейкин. Ваши документы, пожалуйста, — не очень уверенно сказал молодой.

